
АНТИНОМИЯ ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ И ЕЕ ОБРАЗНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В ПОЭМЕ А.Т. ТВАРДОВСКОГО «ДОМ У ДОРОГИ»

С.Р. Туманова

Кафедра русского языка
Медицинский факультет
Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу философских проблем жизни и смерти в поэме А.Т. Твардовского «Дом у дороги». В статье рассматриваются мотивы дома, дороги, семьи, отца, матери, любви, природы, ребенка в ситуации смерти во время Великой Отечественной войны, воплощенные в художественные образы поэмы.

Ключевые слова: антиномия, Твардовский, творческое сознание, творческие мотивы.

Поединок жизни и смерти во всех его смыслах был для Твардовского главным событием и лейтмотивом всей его жизни и на разных ее этапах в зависимости от внешних обстоятельств внутренне разрешался по-разному. В годы войны, и это объяснимо, после увиденного и прочувствованного сначала на финской «незнаменитой», а потом на Великой Отечественной войне, из абстрактного размышления он превращается в реальную каждодневную ситуацию.

Размышления о жизни и смерти идут по нескольким направлениям. Одно из них реализовалось в поэме «Василий Тёркин», другое, вырастая из «Тёркина», стало основой поэмы «Дом у дороги».

Дом, дорога, семья, отец, мать, любовь, природа, ребенок — эти образы-мотивы живут в поэме между двух крайних точек — между жизнью и смертью.

Темы и образы довоенных поэмы и лирики оказываются теми мощными ростками, которые дают впоследствии огромные плодоносящие деревья. А в лирике военных лет и в «Василии Тёркине» заложены мотивы будущих произведений Твардовского. Так и поэма «Дом у дороги» вырастает из «Василия Тёркина».

Критики отмечали перелом в эволюции Твардовского-лирика, начиная с 1943 г., когда все сильнее начинают звучать в его поэзии ноты трагизма. Усиление трагизма в литературе стало возможным в связи с изменением хода войны и возросшим в обществе оптимизмом. Еще в 1942 г. Твардовский записал в «Рабочих тетрадях» слова, в которых выразил всю идею будущей поэмы: «Нужно рассказать сильно и горько о муках простой русской семьи, о людях, долго и терпеливо желавших счастья, на чью долю выпало столько войн, переворотов, испытаний» [1. С. 118]. Твардовский хотел, чтобы дом у дороги стал символом, узнаваемым всеми, кто потерял дом на войне. Название «Дом у дороги» должно было подчеркивать не отдельность, выделенность дома, а напротив его общность.

Мотивы дома и дороги — центральные для многих художественных миров. Но расширяются они по-разному, в зависимости от наполнения идеями

и настроениями художников слова. «В фольклоре „дом у дороги“ — это место, где традиционно встречаются человек и нечистая сила, свой мир с чужим миром, открытое для прихода как злого, так и доброго. Для хозяев дома это место становится испытанием, так как человек сталкивается лицом к лицу с соблазном» [2. С. 192].

В творчестве Твардовского дом и дорога — ключевые мотивы. Конкретные, земные понятия, вбирая в себя все смыслы, стоящие за ними, приобретают у Твардовского философскую окраску, становятся символами жизни. Сопряжение дома и дороги было его творческим открытием, давало возможность расширить значение каждого из образов. Дом для поэта означает ту основу основ бытия, без которой невозможна жизнь. Дорога предполагает движение, а следовательно, также олицетворяет жизнь.

В период войны эти мотивы приобретают новые смысловые оттенки. Война со всей своей жестокостью обрушивается на дом, потеря которого страшна особенно для хозяина, она равна лишению жизни. Образы дома и дороги в период войны сливаются, замещают друг друга. Дом оказывается у дороги и в дороге, а дорога становится домом и одновременно врагом дома, потому что уводит от дома на чужбину. И хотя дом потерял стены и крышу, он остался домом в самом главном значении родственности, взаимоотношений в семье:

Но дом твой в сборе, налицо.
К нему воздвигнуть стены,
Приставить сени и крыльцо —
И будет дом отменный [3. Т. 2. С. 335].

«Быть может, в теме семьи кроется разгадка жизнеутверждающего гармонического мироощущения Твардовского, — пишет В.М. Акаткин, — его особого эпического лиризма? Деда и внуки, отец, мать и дети, семья, страна, народ — это опорные, сущностные смыслы всего его творчества, всей его поэтической мифологии» [4. С. 82]. В поэме «Дом у дороги» раскрывается смысл человеческой жизни. Поэтому поэма так и мучила Твардовского. В «Василии Тёркине» все объяснимо и понятно: солдат на войне, он должен отдать жизнь за родину. Здесь же возникает вопрос: в чем смысл человеческой жизни, если все разрушено и нет дома?

«Бывайте живы» — так приветствуют солдата, который возвращается из плена. В первой же главе поэмы слова «жить», «живой», «жизнь», «по-жилому» звучат как заклинание, так, как будто от произнесения их зависит сама жизнь. Жизнь здесь ассоциируется с домом, с постройкой нового дома, в котором «жить да жить, ах, жить да жить живому!» Но это «ах» — горестный вздох (а за ним видится такое же горестное покачивание головой) — ощущение грядущей беды. Постройка дома предполагает жизнь, поэтому запахи, краски также становятся символами жизни:

А мне бы петь о жизни той,
О том, как пахнет снова
На стройке стружкой золотой,
Живой смолой сосновой [3. Т. 2. С. 335].

Еще один важнейший мотив в поэме — мотив материнства. В творчестве Твардовского он оказывается той трагической нотой, которая задает тон, и тем узлом, в котором соединяется самое задушевное с общезначимым. В годы войны мотив материнства наполняется новым содержанием. Мать — олицетворение стойкости, мужества, образ вырастает до символа: мать-родина, мать-земля. Чувство матери всегда обострено, оно направлено на защиту своих детей, поэтому и «войны великое чутье» раньше приходит к женщине-матери, оно у нее в крови: «Ей по наследству мать ее успела передать». Мать дает жизнь, поэтому в литературе ее образ всегда имеет символическое значение жизни. «И так ли уж важно, — пишет Ю.Г. Буртин, — в данном случае, кто она, эта женщина: колхозница или горожанка, русская или, скажем, латышка, — и многое другое, что при иных обстоятельствах могло быть для нас и для нее самой существенным и важным? Важно одно: она Жена и Мать — перед лицом войны и смерти» [5. С. 181]. И мать в поэме «Дом у дороги» совершает подвиг ради жизни ребенка, в тяжкой неволе сохранив «деточку»:

Не дам, не дам, уберегу
И заслоню собою,
Покуда чувствовать могу,
Что ты вот здесь, со мною [3. Т. 2. С 375].

Она противостоит смерти и побеждает ее, так сильна любовь матери. «В полную охоту», «в полную душу», «от сердца» пишется поэма. Так открыто в письмах обозначает поэт свое отношение к произведению, свое внутреннее состояние во время его написания.

Самоценность человека проявляется в отношении к жизни и смерти. Герои Твардовского не жалуются на жизнь, им не свойственно и равнодушие к жизни, они не теряют смысла жизни ни при каких обстоятельствах. Поэтому особую силу приобретает в поэме мотив любви. Здесь очень сильно желание поэта рассказать не о событиях, а через события о жизни души.

Да, друзья, любовь жены, —
Кто не знал — проверьте, —
На войне сильнее войны
И, быть может, смерти [3. Т. 2. С. 256].

Эти известные строчки из «Василия Тёркина» становятся одним из лейтмотивов поэмы «Дом у дороги».

Война рвет жизненные связи, человек стремится восстановить их. Пытаясь узнать о своем муже и услышав о другом Синцове, Анна чувствует родственную связь и с ним, и со всем человечеством: «Но чем-то вроде дорог ей // И тот однофамилец» [3. Т. 2. С. 349].

Герой «Дома у дороги» — это не богатырь, не чудо-человек. Он может сомневаться, горевать, отступать, стыдиться слабости, быть просто человеком. Но любить умеет *до смерти*, и любить *до смерти*.

И та любовь была сильна
Такою властной силой,
Что разлучить одна война
Могла.

И разлучила [3. Т. 2. С. 346].

В стихах отражалось то, что было на душе самого поэта: «...я больше всего думаю о трех вещах: о войне, о своей работе и о тебе с детьми. И все это не порознь, а вместе. Т.е. это и составляет мое каждодневное духовное существование... И не знаю, как бы тяжело мне было, в сто раз тяжелей, чем бывает порой, если б не было у меня тебя и детей. Все так серьезно на свете, милая, что, я думаю, те люди, которые сберегут свою нежность и привязанность друг к другу теперь, те уж будут навеки неразлучны...» [1. С. 84—85]. Герои его поэмы «Дом у дороги» сберегли эти чувства друг к другу, поэтому мы и верим, что встретятся герои поэмы и построят новый дом во всех смыслах.

Поэма — это размышление о жизни и смерти во время войны, но не только солдат, для которых война — это служба, которые готовы отдать жизнь за родину. Мирные жители оказываются втянуты в войну, и, что ужаснее всего, — смерть грозит ребенку. Борьба жизни со смертью в поэме приобретает такой накал, какого не было ни в «Василии Тёркине», ни в лирике этого времени. Здесь слышны отголоски трагедии, случившейся в жизни самого поэта, — смерти его маленького, горячо любимого сына Саши. Экзистенциальная ситуация в жизни оказывается разрешенной в пользу смерти и остается в подсознании поэта незаживающей раной. И в поэме он бросает вызов смерти. Для Твардовского трагизм смерти заключается не столько в физическом умирании, сколько в одиночестве человека перед лицом смерти. Смерть сына стала еще ужаснее (если это вообще возможно) именно потому, что он оказался один без родителей в момент смерти. Несколько раз повторяется в записи Твардовского о смерти сына слово один: «Оставили мальчика одного...», «нас ужаснуло, что он в больнице один маленький...», «Все, сынок», — сказал я, и мы поспешили к машине, а мальчик наш остался один» и созвучное ему слово «покинутый»: «Взглянули еще раз на него, как он лежит, бедный, обиженный, покинутый мальчик с цветком в руках (он очень любил цветочки — особенно любил обдувать одуванчики) и закрыли» [6. С. 47]. И этот образ цветка в руках мертвого мальчика переходит в поэму «Дом у дороги» и становится знаком жизни, победившей смерть:

И дочка старшая в дому,
Кому меньшого нянчить,
Нашла в Германии ему
Пушистый одуванчик.

И слабый мальчик долго дул,
Дышал на ту головку... [3. Т. 2. С. 110].

Во многих произведениях Твардовского одиночество становится символом смерти и определяет поиски смысла жизни. Выход он находит в общности лю-

дей. В поэме «Дом у дороги» жизнь побеждает именно потому, что содружество людей даже в самых жестоких условиях плена помогло выжить крохотному ребенку. Начиная рассказ о ребенке, который родился в неволе, Твардовский как заклинание повторяет слова: «И начал жить, пока живой, жилец тюрьмы с рожденья». Живое и мертвое с самого начала существует в оппозиции:

Живым родился ты на свет,
А в мире зло несытое.
Живым — беда, а мертвым — нет,
У смерти под защитой [3. Т. 2. 372].

В монологе от имени ребенка, в 16 строках слова однокоренные со словом «жизнь» встречаются 9 раз: жизнь — жить — жить — живая — выживешь — выжить — жить — житель — жить. И ни одного слова однокоренного со словом «смерть», хотя смерть была несравненно ближе, чем жизнь.

В поэме антиномия *жизнь-смерть* раскрывается еще в одном очень ярком мотиве — природа и смерть. Для Твардовского природа — это эстетический и философский феномен, неотделимый от жизни человека. Природа для него — живое существо во всем своем многообразии. Она вступает в конфликт с войной и в то же время остается единственной составляющей мира, которая сохраняет постоянство. В начале поэмы природа призвана передать полноту жизни, мирной жизни хозяина земли. Это раскрывается в перечислении названий трав:

Трава была травы добрей —
Горошек, клевер дикий,
Густой метелкою пырей
И листья земляники [3. Т. 2. С. 337].

И в восприятии косаря, когда и звуки, и запахи дают ощущение счастья работающему человеку:

И ты косил ее, сопя,
Кряхтя, вздыхая сладко.
И сам подслушивал себя,
Когда звенел лопаткой [3. Т. 2. С. 337].

Деталь, столь важная для поэтики Твардовского и с первого взгляда столь малозначительная, здесь становится тем символом, значение которого откроется для читателя только после прочтения всей поэмы.

Таков завет и звук таков,
И по косе вдоль жала,
Смывая мелочь лепестков,
Роса ручьем бежала.

Покос высокий, как постель,
Ложился, взбитый пышно,
И непросохший сонный шмель
В покосе пел чуть слышно [3. Т. 2. С. 337].

Предошущение трагедии войны поэт усиливает картинками природы. Чем прекраснее картина природы и жизни, тем страшнее война, уничтожающая ее.

Каждая деталь этого описания должна была свидетельствовать о красоте жизни и безобразии смерти. Читатель должен был это почувствовать, как чувствовал сам поэт. Знаком беды стало прерывание работы, хозяин «не дошел прокоса», и как будто остановилась сама жизнь. Еще более усиливает жестокость войны образ хлеба, уничтоженного своими же руками. Твардовский ощущает это как убийство, ведь хлеб — это самое главное, самое святое, что есть в жизни человека, что дает ему жизнь:

И сколько рук — не перечесть! —
Вдоль той канавы длинной
Живьем приваливали рожь
Сырой тяжелой глиной [З. Т. 2. С. 341].

Глина в образной системе Твардовского была символом тяжести войны, враждебности. Вспомним в «Возмездии»: «Четвертый год! Четвертый год войны // Нам локти мажет желтой прусской глиной» [З. Т. 2. С. 134]. Война нарушает и гармонию самой природы, и гармонию взаимоотношений ее с человеком. В воспоминаниях, в которых поэт говорит о своих впечатлениях от поездки на фронт в первые дни войны, возникает тот самый контраст между жизнью и смертью: с одной стороны, беженцы, судьба которых неизвестна и скорее всего жестока, с другой — поля цветущей пшеницы: «Как поразил меня запах в открытом поле, вдалеке от каких-либо садов или пчельников, — густой медовый запах, исподволь одобренный еще чем-то вроде мяты» [З. Т. 4. С. 230]. И хотя поэт ничего не говорит о противоречии природы и войны, вывод напрашивается сам собой: только слияние с природой, с бесконечностью и вечностью мира природы, когда человек ощущает себя хозяином, дает возможность выжить в любых обстоятельствах, дает ему право на бессмертие. И в этом Твардовский близок Льву Толстому. Герои Твардовского могли бы воскликнуть так же, как герой Толстого: «И все это мое. И все это во мне, и все это я!» Оптимизм поэмы «Дом у дороги» вырастает из победы человека над смертью, который ощущает себя вечным именно потому, что он и есть часть вечности, бесконечности бытия, но только в гармонии с природой, с любовью и многим другим.

Рефрен поэмы «Коси, коса, // Пока роса, // Роса долой — // И мы домой» соединяет прошлое, настоящее и будущее, создает ощущение целостности жизни, утверждает возможность счастливой будущей жизни. Природа для героини в плену сначала враждебна: «Чужое море за стеной // Ворочало камня». Слово «чужое» как бы отстраняет попавших в плен от окружающего мира. Камни, которые ворочает море, символизируют тяжесть мыслей и чувств героини. «Свирепый ветер по ночам» — олицетворение свирепости окружающего мира. Как в фольклоре — все кажется настроенным против героев. Постепенно ситуация меняется, хотя герои еще не до конца могут принять ее. Пейзаж похож на родной, поэт перечисляет знакомые черты природы, но все это чужое:

Но хоть земля — везде земля,
А как-то по-другому
Чужие пахнут тополя
И прелая солома [З. Т. 2. С. 377].

Насильственное отторжение от родных мест, оторванность от дома, даже потеря дома как в случае с Анной — все это было предметом постоянных рефлексий Твардовского, оставившего родной дом еще в совсем юном возрасте. И это придавало такое глубокое философское звучание мотиву дома. Поэт не раз признавался в том, что его не привлекают заграничные путешествия, он с неохотой менял квартиру и дачу: дом и все, что входит в это понятие, было для него священным. Поэтому в поэме именно в плену и именно в момент пробуждения природы, напоминавшей о родине, в первый раз героиня называет себя по имени, как будто очнувшись от страшного сна, хочет понять, осознать, кто она, где она, тем самым как бы утвердить себя на земле.

Журчал по-своему ручей
В чужих полях нелюбых,
И солона казалась ей
Вода в бетонных трубах.

И на чужом большом дворе
Под кровлей черепичной
Петух, казалось, на заре
Горланит непривычно [3. Т. 2. С. 377].

Образы этого отрывка являют собой внутреннее противоречие с тем миром, который создавал Твардовский до войны. В мирной жизни они были символами жизни. Здесь же вода «солона» как слезы, и даже петух, всегда олицетворявший родину, счастье, тепло и уют, здесь «горланит непривычно». И только знание того, что приближается освобождение, дает новые ощущения: природа теперь становится другом, первым знаком воспоминания о мирной довоенной жизни:

Покоса раннего пора
За дальними пределами
Пришла. Запахли клевера,
Ромашки, кашки белые.

И эта памятная смесь
Цветов поры любимой
Была для сердца точно весть
Со стороны родимой.

И этих запахов тоска
В тот чуждый край далекий
Как будто шла издалика —
Издалика с востока [3. Т. 2. С. 378].

Именно покос стал таким первым знаком, он вызвал в памяти тот, другой довоенный покос, который был в ряду счастливых событий летнего дня и который был так жестоко прерван войной. Мотив покоса в русской литературе всегда имел особое значение. Герои Толстого, Бунина, Зайцева раскрывались по-новому, нравственно обогащались причастностью к крестьянскому труду. В поэме Твардов-

ского покос становится символом жизни. Только время покоса приносит надежду на новую жизнь, именно к покосу заканчивает Андрей новый дом.

Покос лечит:

Чтоб горе делом занялось,
Солдат вставал с рассвета
И шире, шире гнал прокос —
За все четыре лета [З. Т. 2. С. 384].

Покос становится мерой времени:

Вслед за косой качал солдат
Спиной от пота серой.
И точно время на свой лад,
Своею мерял мерой [З. Т. 2. С. 384].

Хлеб — одна из тех непреходящих ценностей, неприкосновенность которых священна для поэта. Начало войны, ее противоестественность отмечены тем, что «живьем приваливали рожь // Сырой тяжелой глиной // Живьем хлеба, живьем траву // Приваливали сами». Повтор и слово «сами» лишь подчеркивают ужас происходящего для крестьянина, для хозяина, который привык беречь природу, уважать свой труд и благодарить землю за урожай. Так гармония природы сопрягается с гармонией человеческого духа, и только тогда достигается нравственный идеал, к которому стремится каждый.

Оставляя поэму неоконченной, Твардовский тем самым создает ощущение вечности жизни.

Отвоевав жизнь у смерти, поэт философски осмысливает путь русского человека в самой кровопролитной войне XX столетия и утверждает его человеческую суть:

И голос тот как будто вдаль
Взывал с тоской и страстью.
И нес с собой его печаль,
И боль, и веру в счастье.

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой —
И мы домой [З. Т. 2. С. 383].

Таким образом, сквозная антиномия *жизнь-смерть* в поэме раскрывается не только в самом действии, но и в образах, символах, дополнительных мотивах. И этот внутренний поединок порой оказывается еще ярче и сильнее внешних событий, и тем ярче и сильнее победа жизни над смертью.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Твардовский А. «Я в свою ходил атаку...» Дневник. Письма. 1941—1945. — М.: Вагриус, 2005.
- [2] Панова Е.П. Мотив «блудного сына» и его трансформация в русской литературе // Мировая словесность для детей и о детях. Выпуск восьмой. — М.: МПГУ, 2003.

- [3] *Твардовский А.Т.* Собр. соч. в 6 томах. — М.: Художественная литература, 1976—1983 гг.
- [4] *Акаткин В.М.* Александр Твардовский и время. Служение и противостояние. Статьи. — Воронеж, 2006.
- [5] *Буртин Ю.Г.* Три поэмы Твардовского // Буртин Ю.Г. Исповедь шестидесятника. — М.: Прогресс-традиция, 2003.
- [6] *Твардовская М.И.* Колодья // Воспоминания об А.Т. Твардовском. — М., 1978.

**ANTINOMY «LIFE — DEATH»
AND IT'S INCARNATION IN ARTISTIC IMAGES
IN A.T. TVARDOVSKY'S POEM «A HOUSE BY THE ROAD»**

S.R. Tumanova

The Department of Russian language
Medical faculty
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str. 6, Moscow, Russia, 117198

This research is devoted to the analysis of such philosophical problem of life and death in A.T. Tvardovsky's poem «A House by the Road». The article reveals such motives as house, road, family, father, mother, love, nature and child in the situation of death during The Great Patriotic War, incarnated in artistic images of the poem.